

Вера Камша
И вновь на весну надеюсь
Стурнийские мозаики – 4

«Герои на все времена»: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-41799-5

Аннотация

Заключительная часть цикла. Стурнийская империя все глубже погружается в тьму и разврат. Император и его приближенные, считающие себя богами на земле, решают восстановить старые порядки, провозгласив себя новыми бессмертными. Для этого они решают восстановить главный храм эпохи титанов, даже не подозревая к чему это приведет.

Вера Камша

И вновь на весну надеюсь
(Стурнийские мозаики — 4)

Памяти А. Н. Котельникова

*Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь — не вода!..
Александр Галич*

*Но не правда ли, зло называется злом
Даже там, в добром будущем вашем?
Владимир Высоцкий*

Часть первая

Стурнийское царство
1389–1390 годы Счастливой Эры

Шагая людными улицами, Гротерих глядел только вперед и никогда — по сторонам. Эту привычку рётский наемник приобрел месяцев через пять после своего появления в Стурне и с тех пор от нее не отступал. Кому нравится ловить на себе косые взгляды и кто виноват, что стурнийцы не желают служить своему царю, а царь не настолько доверяет стурнийцам, чтоб оставлять принявших от него меч в столице? Город охраняют рёты, им за это платят хорошие деньги, а горожане эти деньги считают и злятся. Последнего Гротерих не понимал: если тебе что-то не нравится, исправь или уходи, как ушел он сам. Не захотел сидеть дома, стал воином тана, тан оказался тупым ублюдком — что ж, в мире много дорог, и половина из них ведет в Стурн. Туда Гротерих и направился.

Фенгл-громовержец любит беспокойных; молодому воину повезло занять место возвращавшегося в родные горы земляка и попасться на глаза Публию Фульгру. Знаменитый зодчий и скульптор искал, с кого лепить варвара, раздирающего пасть льву. Сперва Гротерих оскорбился, потом приказ десятника, пара лишних монет и лучшее в Стурне вино примирили его с необходимостью таскаться через весь город и часами в голом виде торчать на каменном обрубке, а затем все изменилось, потому что рёт полюбил Стурн. Неожиданно, ну так Фенгл неожиданностями и славен.

Пережив первую на чужбине зиму, слякотную и хмурую, северянин в один прекрасный день вышел к озеру и замер, покоренный сияющей синевой. И ведь не первый раз видел облицованный мрамором берег, Скадарийский мыс с его темными гоферами и белым храмом, упавшую в озеро облачную гряду; видел, да не замечал, а тут будто под дых садануло. Тогда Гротерих и понял, что жить можно только в Стурне. Или если не жить, то раз за разом возвращаться туда, где узкий мыс рассекает надвое то ли озеро, то ли небо.

С тех пор северянин не отказывал себе в удовольствии полюбоваться неоглядной лазурью, прежде чем отправиться в ставший ему почти родным дом. Сын Фульгра хотел управляться с мечом не хуже, чем с резцом и кистью. Гротерих согласился обучить стурнийца воинским премудростям, и уроки обернулись дружбой. За два с лишним года Гай стал неплохим бойцом, а заговоривший по-стурнийски северянин выучился читать и писать.

Время шло, а стурнии копились, Гротерих все чаще подумывал о женитьбе, а сегодня понял, какой будет его жена. Тоненькой, большеглазой и обязательно с черными завитками надо лбом... Такой, как девушка, с которой разогнавшийся северянин едва не столкнулся у старого рынка. Незнакомка, опустив глаза, шла рядом с матерью и вдруг улыбнулась встречному чужаку. Неудивительно, что в дом Фульгра рёт влетел в самом радужном настроении, которое никоим образом не разрушил громоподобный хозяйский рык. Не будь Фульгр величайшим скульптором, он со своим голосом стал бы отменным десятником.

— Урод! — бушевал хозяин, судя по всему, обосновавшийся во внутреннем дворе. — Вздевшая бармы узконосая обезьяна! Ходячее доказательство слепоты богов, сколько бы их ни мешало нам жить... Будь хоть Время, хоть Небо в своем уме, Мирон бы родился шакалозубым ослом, ибо это и есть его суть!

— Тише, — зажурчал голосок хозяйки, — тише, дорогой... Мы все тебя слышим...

— Слышат они... Нашлись небожители! — Знакомо грохнуло: скульптор расколотил что-то глиняное — горшок или кувшин. — Нет, предложить мне! Мне! Поднять руку на величайшее из творений величайшего зодчего! И ради кого...

— Слышишь? — Гай, в отличие от отца, голоса никогда не повышал. — Уже второй час так... И еще Стультия принесло.

Стультия Гротерих видеть не хотел, разве что темным вечером на пустой дороге. Рёт был далек от того, чтобы промышлять грабежом, но двинуть раз-другой пузатое трепло не

отказался бы. Гай, к слову сказать, тоже.

— Может, к «Трем конягам» сходим? — предложил северянин. — Перекусим и вообще...

— Нельзя отца бросать, он вот-вот кусаться начнет! Я за дедом послал, но пока придет...

— Эгей! — прогремело со двора. — Кто там?!

— Гротерих...

— Давай его сюда! Ты твердишь, что каждый варвар... Ну вот тебе варвар! Спрашивай, но я и так знаю, что он ответит... У рётского молодчика — любого — в одном сапоге больше вкуса, чем у Мирона в башке...

* * *

— Больше я не потерплю проволо чек! — Царь приложил печать к свитку. — Никаких!

Плисфий Нумма перевел взгляд с драгоценного свитка на собратьев-консулов. Довольны были все: затея Мирона оборачивалась ощутимой прибылью, а большего по нынешним временам не приходилось и желать. Тех, кто этого не понимал, было слегка жаль, но лучше жалеть, чем завидовать.

— Стурнон будет возрожден на прежнем месте, — заверил Плисфий, глядя в обрамленное темно-рыжей бородкой лицо внука вольноотпущенника, а ныне — божественного титанида, — но я бы предложил использовать стены и фундамент Скадариона. Пресловутый Клифагор был велик лишь одним: хитрец вовремя украл чужое и выдал за свое.

— То, что восходит к бессмертным, оставляйте. — Мирон был предсказуем, потому, когда перегрызшемся Сенату потребовался царь, и оказался царем. Правда, более опасным, чем думалось вначале. — Все, что напоминает Идакловых пчел и лысых уродов, выбросить вон! Я сказал.

— Воля божественного.

— Что говорят звезды?

— Астрономы назвали наконец день и час! — Консул Менодим торжественно развернул пергамент. — Ближайший «триумф Небес» придется на одиннадцатый день месяца априоса будущего года. Луна и все пять блуждающих звезд сблизятся друг с другом и выстроятся в ряд по одну сторону от Солнца. При этом каждая из них соединится с неподвижной звездой. Подобное случается не чаще одного раза в тысячу лет. Божественные титаны особо чтят подобные дни и отмечают их пышными торжествами!..

От титанов и титанидов Нумму тошнило, хотя консулу, дабы не отстать от других, и пришлось отказаться от привычного имени Луций и возвести свой род к бессмертным, заодно убрав с глаз долой все, что напоминало о временах не столь древних. Гнева Неба Всевидающего свеженареченный Плисфий, само собой, не страшился, да и мозаики с пращуром Невкром красой не блистали, но возня вокруг титанов раздражала при всей своей необходимости. Без богов и предков не бывает императоров, тьфу ты, царей, а без царей начинается свистопляска, в которой все преимущества — за молодыми и наглыми. В свое время Нумма таким и был. Тридцатилетний секретарь старика-сенатора не просто уцелел под обломками империи, но и отхватил от бесхозного пирога немалый кусок; другое дело, что теперь, на седьмом десятке, он не желал ничего, кроме здоровья и денег. Некоторым еще требовалась власть, но власть слишком опасна для здоровья и ненадежна. Плисфий повидал многих старавшихся пролезть на самый верх, и где они сейчас? Яд, кинжал и удавка равно хороши и в империи, и в республике, и в царстве. Не стоит вытягивать шею дальше всех. И врагов без особой необходимости плодить тоже не сто ит. Хочешь жить — умей делиться, и консул Нумма не стал возражать ни собрату Менодиму, когда тот вылез со своими каменоломнями, ни зануде Бротусу, взявшемуся за поиск уцелевших древностей...

— Этого мало! — Бархатистый, хорошо поставленный голос, голос не царя, но лицедея, отвлек Плисфия от подсчетов уступаемого. — Мало просто отстроить Стурнон... Я сделаю больше! Я зачеркну эпоху козопасов и полускотов. В день освящения Стурнона мы вернемся к летосчислению бессмертных.

— Но... — Бротус нерешительно огляделся и все же сказал: — Воля божественного, но Стурнон разрушили ближе к осени, а звезды должным образом встанут весной...

— Чушь! — Белокожее, как у большинства рыжих, лицо начало багроветь. — Пора наконец избавиться от Идакла с его ублюдками. Их не было! Не было, и будь проклято Время с его вонючими рабами! Титаны не затопили Стурнон. Обнаглевшая чернь не срыла Лабиринт! Вышвырнутому с Небес за уши ублюдку не строили храмов! Мне не нужен Идаклов календарь! Я возвращаю в Стурн календарь своих предков!

— Повиновение царю! Но мы не знаем, как называли месяцы титаны...

— Тогда их назову я! Заново. Стурнон возродится в первый день месяца Мирона!

* * *

— Не вижу причин для возмущения. — Стультий победоносно возвысил голос, и Гротерих с трудом вспомнил, что он в гостях и не может поднять руку на хозяйского родича, как бы тот ни квакал. И Гай не может — он сын хозяина, а хозяин слушает квакуна. Молча слушает, спокойно, только желваки на скулах играют. Рёт тоскливо отпил вина и вспомнил, как, впервые увидев Стультия, был потрясен не только его ученостью, но и огромным брюхом при худом лице и руках. Как можно быть толстым в одном месте и тощим во всех остальных, Гротерих не понимал, разве что шурин Фульгра слишком много знал, и знания эти требовали места.

Северянин с благоговением внимал мудрецу, пока тот не заговорил о рётах. Стультий утверждал, что северяне к ночи выносят новорожденных на мороз и утром подбирают выживших. Почтительное возражение было с презрением оборвано. Еще не слишком хорошо разбиравшийся стурнийский Гротерих решил, что неправильно понял умного человека, но Гай, оттащив рёта в угол, объяснил, что Стультий — дурак, хоть и ученый. У дураков же голова переводит науку, как брюхо еду: чем больше лопает, тем больше навоза. Гротерих с облегчением расхохотался, но от мысли, что в брюхе Стультия бродят, превращаясь в навоз, знания, так и не отделался. И еще он не представлял, почему Фульгр, соглашавшийся с шурином не чаще, чем скворец с лягушкой, пускает болтуна за стол, но стурнийцы часто поступали странно и неосторожно. Иногда Гротерих их понимал, чаще — нет. Как можно сидеть за одним столом с тем, кого презираешь? Как можно прогонять богов и разорять могилы?

— ...да кто они такие, чтобы держать их здесь? — возопил Стультий и осушил очередную чашу. — Весь их подвиг в том, что они прятались в той же крепости, что и дед Приска Спентада. Узурпатора и тирана, превратившего Стурн в могилу совести... Скажу больше — все эти приски с сервиями, имена которых нас заставляли зубрить, уцелели за счет других. Брошенных на произвол судьбы, потому что подошедшие легионы отправили спасать Спентада! Десять легионов спасало одного мерзавца, пока оставшихся без защиты женщин, детей и стариков резали и сжигали заживо... Трибунов же, осмелившихся оспорить приказ, разрывали лошадьми. Вот величайший из подвигов подлейшей из империй! Вот о ком накатал насквозь лживую оду Аппий Фертар! Вот во имя чего, обобрав всех нас, лжецы и подлецы возвели мраморного уродца, из-за которого ты разоряешься... Да меня оскорбляет сам вид этого склепа!

— Сильно сказано! — донеслось из-за увитой диким виноградом решетки. Квинт, отец Фульгра, все-таки пришел. — Выходит, все справедливо? Покойников — на помойку вместе со Временем, и хвала великому Небу и еще более великому Мирону? Так? Я тебя правильно расслышал?

— Само собой! — Стультий напоминал пса, который ощерился и тем не менее поджал хвост. — Лжегероям и прославлявшей их сволочи место на помойке! Мирон восстанавливает справедливость, как бы это некоторым ни вставало поперек горла... некоторым, евшим из рук Спентадов! Пришло время вспомнить истинных героев, вернув долг...

— Возвращай, — спокойно предложил Квинт. — Две тысячи восемьсот шестьдесят стурниев, если я не ошибаюсь.

— Отец! — Рядом с невысоким седым Квинтом огромный скульптор казался... не таким уж и огромным. — Стультий сейчас не...

— Стультий решил для простоты довести долг до трех тысяч? Разумно. С его стороны — не с твоей. Я запрещаю тебе кормить этого человека. Подлая империя скоро уже тридцать лет как не лезет в чужие дела, так что каждый за себя... Когда ты отдашь долг, Стультий?

— Я не должен... Фульгр помогал мне как муж Ларисы...

— Ты при мне клялся отдать.

— Я не давал расписок...

— Верно! — усмехнулся дед Гая. — Зато, помнится, в день свадьбы Ларисы ты всучил мне оду, чтобы я довел ее до Андрона Спентада. Или хотя бы до Сената... Хорошая ода и так напоминает Фертара... Достаточно заменить Андрона на Мирона, и она вновь станет верноподданной, но мне старый список милей. Надо будет его поискать.

— Я... Я отдам долг... Не сегодня, мне нужно...

— Раз не сегодня, пошел вон! Лариса, сядь. Сядь! Если вздумаешь дать ему денег, мы поссоримся. Гай, проводи дядю.

Вот это было правильно! Квинт, хоть и не держал никогда в руках оружия, напоминал Гротериху старого Френга, лучшего из воинов Рётланда, останавливавшего глупцов не мечом и не кулаком, а взглядом, хотя для Стультия и это было слишком. Старый виноторговец повернулся к уходящим спиной и опустил в плетеное кресло. Не то, в котором сидел Стультий.

— Не понимаю, зачем ты раз за разом наполняешь эту дырявую бочку... Ну да грифы с ней! Это правда, что хотят снести Скадарион?

— Не снести, изуродовать! Мирон спешит и готов сохранить остов здания, но остальное... — Фульгр воздел руки, словно в мольбе, и вдруг сжал кулаки. — Время Всемогущее, что эти невежды задумали! Два ряда разноцветных — разноцветных! — витых колонн в центре зала, желтый пол, ступенчатая пирамида для Мирона, два новых алтаря, а на месте старого — бассейн с секретом... «Возрожденный Стурнон»! Безмозглая смесь собственной безвкусицы с совсем уж дикими представлениями о том, как оно было «при титанах»...

— Какой царь, такой и Стурнон... Чем хуже дела, тем больше пыжятся дураки и воруют мерзавцы. Чего хотели от тебя?

— Чтобы я сделал этот горячечный бред явью! Я, выросший на трудах Клифагора! Разумеется, я сказал все, что об этом думаю.

— Ну и дурак! — припечатал Квинт и вдруг подмигнул Гротериху. — Парень, у тебя в начальниках все еще Ульвинг ходит?

— Он.

— Приведи его завтра вечером к «Трем конягам». Одного.

II

Три получеловека-полуконя на вывеске вздымали гигантские пенящиеся чаши и смеялись. Гай говорил, что кентауры в Стурне водились на самом деле, и даже не так уж давно, но Гротерих не верил. Если ты ниже пояса лошадь, то и жрать должен то же и столько же, что и лошадь, а такое людской глотке не под силу. То ли дело оборотень: в волчьей шкуре честь по чести ест сырое, в человеческой — вареное и жареное... Северянин думал о полускотах и жевал зажаренную на решетке козлятину. В разговоры старших не

вмешиваются, а уж в разговоры начальства... Зачем Квинту понадобился Ульвинг, северянин так и не понял. Пока беседа прыгала с достоинств вина на рётские обряды и с рётских дел на дела стурнийские. Обычный такой разговор, только сотрапезников обычными не назовешь.

— Я доволен своей платой и своими парнями. — Ульвинг сунул пробежавшему мимо слуге опустевшую кружку. — Мы делаем свое дело, и делаем хорошо, но вы нас не любите. Не меня, не его — нас... Раньше было не так, я помню.

— Когда ты пришел в Стурн, сотник?

— Тридцать шесть лет назад, у вас еще был Андрон... Еще четыре года, и я вернусь в свою долину. Раньше думал остаться греть свои кости здесь, теперь передумал. Я честно жил и не хочу, чтоб ваши мальчишки швыряли в меня камнями, когда я не смогу поднять свой топор. Мне нужна могила, которую не тронут.

— Она нужна всем. — Квинт пригубил вина и чуть заметно скривился. — Мертвые львы беззащитны перед стервятниками, мертвые герои — перед живыми трусами.

— У вас, — сощурился Ульвинг, — не у нас. Мы бережем покой предков.

— Тогда ты меня поймешь. Я хочу выкупить мертвых. Тех, кого собрались выбросить из Скадариона.

— Ты умеешь удивлять. — Сотник отодвинул недопитую кружку. — Там твой родич?

— Нет, хотя мои предки и защищали восточный рубеж... Перонт изобилует бродами, там много крепостей. *Было* много, пока мы не оставили Отраму... Двое моих прапрадедов служили на Кривой косе, но это тебе мало что скажет.

— Главное я понял. Мы ставим в память тех, кто погиб на чужбине, каменные столбы, у вас был храм... Что думаешь делать?

— Вскрыть урны, вынуть хранящийся в них пепел и заменить другим. Мирон решил опорожнить урны в ямы у боен. Что ж, пепел гоферов не оскорбится... Если ты согласен помочь, назови цену.

— Тебе потребуется помощь воинов?

— Разве что Гротериха. Главное, чтобы нас впустили, выпустили и не увидели.

— Хорошо. Я не отказываюсь от того, что заработал, но если я возьму твои деньги, Фенгл разозлится. Он не любит могильных воров. Если мне придется раньше времени покинуть Стурн, ты вернешь мне то, что я недополучу. Если я уйду как собирался, ты мне не будешь должен ничего. Когда придете?

— Сегодня. Хозяин, ниннейского!

* * *

На желтоватом песчанике были тщательно выбиты имена. Множество имен. Мерзавец Клифагор приволок из Скадариона здоровенные каменные блоки и намертво вмуровал в несущую стену. Выковырять их быстро и без больших затрат было невозможно. Как и оставить.

Плисфий не пойми в который раз прошелся верхней из опоясывавших храм галерей и в раздумье забарабанил пальцами по зловредному песчанику. Терять там, где намеревался сорвать хороший куш, всегда обидно, но кто же знал, что Мирон потребует не просто набить «возрожденный Стурнон» истуканами и курильницами, но и примется уничтожать «Идаклову вонь». Само по себе это было правильно — слишком уж много развелось в отпавших провинциях потомков Идакла и родичей Спентадов, но царь объявил свою волю, когда деньги на Стурнон были не только получены, но и разделены. Оставалось либо вбухать в треклятый храм собственные средства, либо как-то извернуться. А ведь вначале мысль продать Мирону Скадарион казалась беспроегршной!

Как строили титаны и где стоял Стурнон, благополучно забыли, так почему бы не объявить, что озеро отступило и Клифагор возвел свое детище на фундаменте Стурнона и по его образцу? Плисфий проверял: какой-то фундамент в роще и в самом деле был, а

перерывший окрестности Скадариона Бротус нашел странные постаменты, почти целую мраморную вазу и пару десятков янтарно-желтых плит, вряд ли сделанных людьми. Ну а то, что храм недостаточно «древен» и внушителен изнутри, не беда! Консул несколько раз прикидывал, сколько уйдет на отделку и сколько урвут Менодим с Бротусом, умножил конечную сумму на пять и доложил результат царю. Мирон подмахнул смету, даже толком не прочитав. Нумма согласился взвалить на усталые плечи еще одну обузу, собратья-титаниды выразили готовность ее разделить, Плисфий от благодарности едва не прослезился. Все шло отлично, и тут царь вздумал начать новую эру. По старой цене. Это было не смертельно, но обидно, тем паче Менодим с Бротусом оставались в прежних барышах — работы внутри храма оплачивали не они.

Плисфий кончил отбивать дробь по камню, напоминавшему о каком-то Меданте, и задрал голову к опоясанному пальметтами куполу. Тут его и осенило. Не нужно разбирать стену — поганый песчаник можно спрятать под ложный мрамор, а поверх, скрывая обман, пустить что-то «древнее». Точно так же нужно обработать испакощенные Идакловыми пчелами колонны и старый алтарь... Конечно, придется делиться с Менодимом, но тот не настолько глуп, чтобы отказаться продать пустоту по цене мрамора... Плисфий уже без злости шлепнул по скадарийской плите и вытащил дощечку для записей. Не стоит предлагать Менодиму полную цену, лучше начать с трети и сойтись на половине... И эту половину возместить за счет Бротуса! Даже перекопай старый плут все Ниннеи, он не нарыл бы столько «древностей», значит... Значит, пусть платит за доверие Плисфия, ни на мгновение не поверившего доносу на благородного... то есть на титанида Бротуса, якобы продающего царю подделки. А донести может... тот же Фульгр, чей родитель владеет ниннейскими виноградниками и кого никак не заподозришь в сговоре с титанидом Плисфием.

* * *

Горный лес днем — это просто горный лес, он же звездной ночью — святилище, где хочется преклонить колени. Чужой храм, если тыходишь в него как наемник, — не больше чем набитое вельможами и статуями здание. Тот же храм в ожидании своего конца становится великим и непонятным, будто замерший в ожидании зимы ночной лес. Гротерих попытался объяснить это Гаю и не сумел. Дело было не в языке — стурнийский рёт знал отлично, просто если нет слуха, не запоешь, как бы ни мучила слышная лишь тебе песня.

— Смотришь? — Рука Фульгра обрушилась на плечо рёта. — Что ж, смотри и запоминай... Потом расскажешь, как провожал Скадарион в последний путь...

— Потом будет потом, — негромко напомнил Квинт. — Никто из нас не забудет. Идем, они на галерее.

Отчего-то старик свернул не к главной лестнице, а к одной из узких, боковых. Поднимаясь, Гротерих глянул вверх и столкнулся взглядом с мраморным воином. В потесненном фонарем мраке лицо статуи казалось живым, но смертельно измотанным.

— Крастус! Это же Крастус... «Усталый победитель»... — По щекам Фульгра катились слезы, и скульптор не собирался их утирать. — Позволить... Позволить его уничтожить — это хуже надругательства над могилами! От нас остаются прах и память; если память жива, плевать, что с прахом, а искусство... Оно бессмертно, но как же оно уязвимо!

— Ты сюда рыдать явился? Нет? Тогда прекрати. Инструменты у тебя?

— Да, отец.

— Начинай. Я подержу фонарь, а парни покараулят.

Скульптор шумно всхлипнул и шагнул к стоящей в угловой нише урне. Гротерих посветил вслед: в свете факела выбитые на камне надписи казались черными. Можно было подойти и прочесть, но рёт постеснялся. Караулить было некого. Если кто-то захочет войти, его задержат Ульвинг и четверо северян, знать не знающих, зачем они здесь. Гротерих

перевесился через балюстраду; на миг показалось, что он глядит в пропасть, только в пропасти клубился бы туман.

— Они все тут? — спросил рёт, не в силах слушать здешнюю тьму. — Про которых написано на стене?

— Нет, конечно... — Гай откликнулся немедленно, видно, ему молчать тоже было невтерпёж. — На камнях из Скадарии выбиты имена погибших во славу Империи, от Приска Спентада до Андрона, но мертвых сюда не свозили. Кроме убитых во время той осады... Их прах, если все сделали честно, поместили в двадцать больших урн... Две малые урны в центре — тогдашний комендант крепости, он через год после осады погиб, и Тит Спентад. Сенатор, дед первого Приска... Он, то есть Тит, завещал развеять свой пепел со стен Скадарии, только его не послушали, похоронили в семейной усыпальнице... Потом Постуму взбрело в голову исполнить волю предка, только по-своему. Правду сказать, это многих разозлило...

— Зря. — Мысли опять не желали становиться словами, но Гротерих их как-то запряг. — Этот Тит хотел вернуться в молодость... К тем, кто для него важнее всего. Он был одним из них, они честно дрались... Воины заслужили почести, а Тит — возвращение... Не знаю, как сказать, только ваш Постум сделал правильно, а Мирон — нет! Это не его слава и не его дом!

— Слава не его, а сила пока за ним... Что противно, так это то, что ему были рады. После того, что начудил Сенат. А уж как радовались Сенату, когда Андрон умер без наследников... Захотели жить как в Велоне, как в Велоне и огребли; как в настоящем Велоне, не в том, что стульбиям снится.

— Ульвинг говорил, — припомнил рёт, — когда Сенат решил не брать императора, на улицах всю ночь плясали.

— Отец тоже плясал. Дед — нет, хотя Спентадов и не жаловал, а отец плясал... Он Сенату на радостях статую подарил, только ты лучше ему об этом не напоминай.

III

Празднества обещали быть хлопотными и утомительными, но Плисфий заставил себя подняться даже раньше обычного. Следовало переговорить с Менодимом до начала церемоний — кое о чем напомнить, кое на что намекнуть, кое о чем условиться. Консул при помощи пары слуг облачился в тяжелое парчовое одеяние, представил, как к вечеру заболят плечи, и разозлился. Бротус с его древностями и Мирон с его дурным вкусом порой делали жизнь невыносимой. Возможно, вымершие бессмертные и таскали на себе по таланту золота, а в храмах проводили больше времени, чем театрах и банях, но консул Нумма уподобляться титанам не желал. Разве что в обмен на десяток лишних лет.

Явился гонец. Комендант Стурна доносил консулам, что вход на мыс Титанов надежно перекрыт и что в столице почти спокойно. Плисфий позволил себе усмехнуться. «Почти» означало намалеванные на стенах гадости, разбитие о свежесовмещенные календари и царские статуи горшки с нечистотами и вопли расплодившихся в последний год пророков и прорицателей. Упустить смену летосчисления они, само собой, не могли. Мирона это лишь заводило, а для стоящих в караулах варваров оборачивалось лишними хлопотами, за которые приходилось платить. Что до Небес, то, судя по зарядившей с вечера мороси, возвращенное на пьедестал божество не испытывало к новоявленным наследникам ни малейшей признательности. Плисфий зевнул, выпил поднесенный лекарем бодрящий отвар и спустился к носилкам. Разумеется, на первом же перекрестке пришлось ждать, когда рёты разгонят зевак, собравшихся вокруг очередного предсказателя — молодого парня в тунике с желтой риторской полосой.

Вопящему про казусы Времени-Движения и Неба-Вселенной придурку всыпали с десяток палок и швырнули в ближайшую лужу, слушатели разбежались сами, но настроение стало окончательно дождливым. Нумма все сильнее ощущал себя бегущей в колесе

престарелой собакой. О том, чтобы перебраться в загородные поместья, не приходилось и думать: Мирону вечно не хватало денег, и он повадился обирать как тех, кто проявлял излишнюю прыть, так и утративших резвость. Покинуть Стурн тоже не выходило — в варварских землях к чужакам относились по-варварски, а велонцы, поняв, что «пчелы» нынче без жала, перестали привечать беглых стурнийцев. Уйти на покой не получалось, оставалось, пока хватит сил, бежать в колесе или... отправить Мирона проверить, так ли уж божественны его предки. При мысли о том, что сказали бы титаны при виде «потомка», консул рассмеялся. Он все еще улыбался, приветствуя Менодима. Важный разговор начинают с ерунды, и Плисфий рассказал про свихнувшегося умника. Менодиму тоже нашлось чем повеселить друга и соратника.

— Помнишь «Завет титанов», втридорога выкупленный Бротусом у наследников Спурия Физулла? Тот, что так понравился Мирону?

— Его трудно забыть... По крайней мере, до конца празднеств.

— Оказалось, Физулл обокрал умершего чуть ли не под забором бродягу. Смысл, размер, даже многие рифмы — все взято у него! Не следовало Бротусу мешать делам виноторговца Квинта, а он попробовал... Вот и всплыл список настоящего «Завета» и иных песен, приобретенный у означенного бродяги предком Квинта. Так некстати... Бротус вне себя! Он привык доить, а не доиться.

— Зато как будет счастлив Гней Нерониск!

— Не думаю... Это и есть самое смешное. Из списка Квинта следует, что якобы найденную и восстановленную Нерониском «Песнь тьмы и тьмы» сочинили не титаны, а все тот же бродяга. Гней ее подпортил, не без того, но сомнений нет никаких. Наследникам великого изгнанника и нашему не менее великому стихотворцу насыпали гору серебра за то, что валялось на дороге...

— Бротусу придется оплатить еще и молчание Квинта... В этом доме всегда знали, какая пыль станет золотом. Хотелось бы знать... — Плисфий сделал небольшую, но многозначительную паузу. — Хотелось бы знать, *сколько на самом деле* стоят все добытые нашим другом древности. Хотя бы извлеченная из озера плита и ниннейские урны. Спрошу при случае сына нашего мудрого Квинта, раз уж он не желает превращать движение в пространство.

— Движение в пространство? — самым честным образом не понял Менодим, и Плисфий с готовностью пояснил:

— Так давешний умник называл низвержение Времени, вознесение Неба и столкновение оных. Дескать, это опасно...

— Пророки совсем обнаглели... — заметил Менодим и посмотрел со значением. — Как и звездочеты. Вчера какой-то мерзавец пугал «триумфом светил» и кричал, что оскорбленное Время отомстит оскорбителям. Он был глуп, и его схватили.

* * *

Гротерих в новом доспехе стоял между Арзульфом и рыжим Фрамом, глядя на растекающуюся по храму толпу. Рёт был сразу и зол, и спокоен, спокойней, чем декаду назад, когда вместе с отобранными консулом Бротусом воинами впервые увидел «возрожденный Стурнон». Сотню северян вырядили в золоченые доспехи и назвали Вечнозвездными. Все это было глупо, но Гротерих явился в Стурн за деньгами, а деньги наемникам платили исправно. Получив свои стурнии, рёты отправились к «Трем конягам» и выпили по половине чаши, выплеснув вторую половину за плечо — откупились от увязавшегося следом зла.

Ульвингу не нравилось все от начала до конца, Гротериху тоже, но их дело было сверкать позолотой, пока товарищи в простых доспехах патрулируют город и сторожат ставший запретным мыс. Городской страже тоже стали больше платить, но работы

прибавилось не слишком. Стурнийцы шипели по углам, порой, напившись, орали хулительные песни, но дальше дело не шло. Эти люди разучились защищать хоть богов, хоть границы, хоть себя, но Гротерих все равно собирался остаться, ведь Фенгл послал ему новую встречу со смуглянкой. Девушка была с матерью и еще двумя женщинами, но северянин на сей раз не сплеховал — прошел следом до самого дома, а дальше за дело взялся Гай.

Смуглянку звали Лара, она вместе со вдовой матерью жила в доме замужней сестры и часто подолгу сидела в саду. Оставалось войти и заговорить. Гай брал это на себя, но друзья решили, что нужно переждать празднества. Не утерпев, рёт отвернулся от переминающихся с ноги на ногу сенаторов и младших жрецов и глянул на боковую галерею, где прятался Гай. Сын Фульгра хотел видеть все собственными глазами, а вот Гротерих предпочел бы оказаться от испакощенного храма подальше. Это были не его боги и не его царь, но спокойней от этого не становилось.

Взгляд наемника скользил по ставшим разноцветными колоннам, толпящимся на галереях золоченым статуям и изрезанным непонятными завитками вазам, в которые они с Гаем за пару ночей перенесли прах скадарийцев. Раньше мысль Квинта оставить воинов в их усыпальнице, как бы ее ни изуродовали, казалась верной, теперь, когда в Скадарион ввалилась толпа, Гротериху стало тошно. Как будто это он, мертвый, видит, как в рётских горах рушат столбы памяти и разрывают могилы...

Удар гонгов. Короткий базарный шум и тишина. Сенаторы и придворные замерли, ожидая владыку. Вечнозвездные вскинули мечи, приветствуя Мирона и следовавших за ним старших жрецов и консулов. Последним на ярко-желтые плиты ступил толстый Бротус, и Вечнозвездные перестроились, отсекая титанидов от безродной мелочи.

Первосвященник в ярко-синем облачении остановился меж двух алтарей — Солнечного и Лунного — и воздел руки, Мирон прошествовал дальше, поднялся по пологим ступеням на огороженную кованой решеткой площадку и поднял жезл. Жрецы что-то бросили в курильницы; сперва еле слышно, а потом все громче запел хор. Началось.

* * *

В начале церемонии Плисфий еще радовался утреннему договору с Менодимом, потом ноги, сердце и голова вынудили позабыть и богов, и политику, а хор все пел, к куполу возносился сизый горько-сладкий дым, от которого першило в горле, и до благодатных носилок было дальше, чем до ныне скератской Отрамы, — Мирон в своем пристрастии к театру сочинил целое представление.

Консул с ненавистью посмотрел на царское возвышение. Божественный вдохновенно размахивал увенчанным лунным диском жезлом. Дирижировал. Как всегда, когда слушать не хотелось, тщательно выпеваемые стихи лезли в уши с настойчивостью докучливых родичей.

В этом мире бросались на стены живые,

— тянуло множество уже не мужских глоток, -

Красным пеплом взметая горящую плоть,
В этом мире впервые сражались и пели впервые,
В этом мире стояли у...

Вступившие флейты окутывали словеса, словно одежды — вылезшего из бассейна толстяка. Плисфий не утерпел, вздохнул поглубже и тут же был наказан кашлем. Увенчанная венком из белых мальв башка досадливо дернулась. Царь не глядя подмахивал счета и приговоры, но малейшее пренебрежение к своим талантам помнил долго. Плисфий не раз растравлял в своих целях самолюбие Мирона, а теперь наглотался подлого дыма и сам

оплошал...

— Верному слуге вечных Небес! Прими кувшин сей.

Поданный младшим жрецом кувшин был много тяжелей, чем хотелось. Мастер не рискнул украсть царское золото, но лучше б он оказался вором, да и прислужники могли расплескать хотя бы треть набранной в озере благодати. Не расплескали.

Мы не вы.

Теперь прорывающиеся сквозь аккомпанемент слова казались издевкой. -

Никогда вы не станете нами;
Вы смогли победить, но и только. И вам никогда
Не схватить под уздцы золотое предвечное пламя...

Первосвященник ударил посохом о выуженную из озера плиту, и самый юный из прислужников двинулся к священному бассейну. Наполнение началось. Сперва прислужники, затем — младшие жрецы, потом старшие и, наконец, консулы. Все они опрокинут свои кувшины, но вода уйдет в мрамор, как в песок. Тогда наступит черед божественного Мирона. Высочайшая чаша будет принята Отцом-Стурном, священные воды наполнят бассейн, и служба закончится...

Хор по-прежнему предрекал покусившимся на титанов смертным *век за веком уныло брести по своим же следам*, курения тлели и нещадно дымили, вереница жрецов синим хвостом тянулась меж алтарей Солнца и Луны. «Сочинение» Физуллы иссякло, «находка» Нерониска звучала не столь уныло. Пожалуй, она была даже красива, хоть и мрачновата, но наслаждаться песнопениями, когда ноги спорят с головой о том, кому хуже?! Увольте.

Черное небо, черное поле.
Алою раной прорезь —
Лента заката.
Меж гребнем леса, что нынче черен, и черным небом...
Берег Сегодня — черен;
Тень Завтра еще черней —
Да будет проклято Время...

Стоять становилось все труднее. В храмах ныне проклиняемого Времени подолгу не задерживались; это бессмертные никуда не спешили, но у них вряд ли отекали ноги... Как он продержится оставшиеся минуты с тяжеленным кувшином на больном плече, Плисфий представлял смутно. Консула подташнивало — верный признак полнокровия, а до лекаря с пиявками еще требовалось дожить. Требовалось, не расплескав, дотащить проклятый сосуд и опуститься на колени, когда случится «чудо». На желтый камень, который скотина Мирон не позволил застелить хотя бы ковром. Еще бы! Божественный преклонять колени не станет...

Прощай...
Черный от черного
Не отличай...

Синие жрецы прошли, двинулись серебряные, «лунные», за которыми уже перебирали ногами «солнечные»... Теперь главное — не споткнуться.

Я забываю, ты забываешь.
Мы не уходим, мы рядом с вами,
Алой рекой меж тьмою и тьмою...

Звякнуло. Один из жрецов не удержал кувшин и отшатнулся. Плисфий вгляделся: меж алтарей с пола поднимался, словно просыпаясь, мальчишка в рубище, его движения были неуверенными и нелепыми. Мирон не был бы Мироном, если б представление обошлось без неожиданностей; спасибо, что выпустил «очарованного пением пастуха», а не пару голодных львов. С краснобородого стало бы...

Парнишка поднялся на якобы дрожащих ногах. При всей своей смазливости он был дурным актером, подобранным, без сомнения, на очередной помойке, потому и растерялся при виде золота, синевы и серебра. Нищета, ввергнутая в кричащую роскошь, — в этом был весь Мирон. Паренек, заученно качнувшись, шагнул вперед, растерянность на старательно заляпанной бурой краской мордашке сменилась яростью — юнец подхватил с пола что-то похожее на копьё и с воплем кинулся вперед.

Часть вторая

I

Стурнон Возрожденный

1 день месяца Мирона 7711 года Истинной Эры

Муть в голове, муть вокруг и крик Клионта. Отчаянный, обиженный... Время Всемогущее, где они?! Где фаланга, где площадь с ее раскаленными желтыми плитами, где белокрысы убойцы? Убойцы?! Но Клионт жив, и он, кажется, тоже... Тимезий принялся ощупывать вроде бы разрушенный мечеглазом бок и не закончил — схватился за голову. Мерный, невыносимо громкий стук отдавался сразу в висках и в груди, словно быющее где-то поблизости гигантское вечное сердце требовало ответа от молчащего человеческого. Требовало и получило. Копейщик отнял руки от висков и снова открыл глаза. Вода. Вокруг и сверху, а внизу то ли небо со звездами, то ли дальний лагерь с кострами, и они гаснут, бледнеют, сливаются, становясь камнями... Выходит, он в озере и не тонет?

Холод под руками, пальцы скребут неожиданно гладкую поверхность, из небытия возникают отражения пестрых колонн, кривляются, дрожат... Закрыть бы глаза, заткнуть уши и свернуться калачиком, но Клионт! Паршивец опять куда-то ввязался...

Встать, опереться на камень и встать! Рука соскальзывает с выступа, пальцы сами на чем-то сжимаются. Тепло дерева. Холод металла. Копье, его собственное копье, все еще во вражеской крови. Воды Стурна ее не смыли? Или он не в озере? В озере... Придет же такое в голову, хотя в ней-то все и дело! Мечеглаз врезал плашмя и удрал. Даже добивать не стал, сволочь...

— Клионт! Где тебя...

Не слышно! Себя не слышно, а мальчишка опять кричит, куда ж его на этот раз занесло?! Ноги тряпичные, оказавшаяся дымом вода кривляется вместе с колоннами. Что наверху — не разглядеть, но внизу в самом деле каменные плиты. Пронзительно-желтые, скользкие и... знакомые... Плиты блестят, будто зеркала, в них корячится темная фигура с копьем; пахнет чем-то сладковато-пряным, чудовищное сердце стучит тише, зато где-то рядом поют. Станные колонны, как деревья... Разноцветные ребристые стволы прячутся в клубах дыма, словно в листве, и меж них кто-то бредет... Темноволосые, седые, плешивые, с бородами... Люди? В золоте?! А вот сзади точно — *они*! Белокрысы! В своей треклятой броне, с копьями, с длинными мечами! Мечеглазы, целая толпа мечеглазов, а Клионт там, один! Время Всемогущее, где Невкр с ребятами, где... все?!

— Вперед, Лекавион! — вопит Клионт, и Тимезий его видит. Четко. Словно кто-то содрал с глаз тряпку тумана. Шатаясь, мальчишка наступает на раззолоченного толстяка. На

глазах закованных в броню титанов! Что для них человеческий мальчишка? Пылинка!

— Назад! Назад, дурень!!!

Ноги заплетаются, будто у паршивого тельца, дымы норовят скрыть невиданные колонны, бородачей, мечеглазов, Клионта с его копьем, но под ногами — твердый камень, а в руке — привычное древко.

— Клионт!!! — Проклятье, он опять не успевает...

* * *

Было тихо, только сбоку что-то мерно и мерзко капало. Консулы, жрецы, сенаторы торчали столбами. Стража тоже торчала — царь любит шутить, это знает последний здешний воробей! Мирон шутит, одной дурью больше, одной меньше... Пьяненький оборвыш в Скадарионе — такая же пакость, как и скератские куренья и непристойные тряпки на царе и консулах... Одно к одному, но когда-нибудь Мирон нарвется!

— Аы... и... йя... ф...! — Что прокричал мальчишка, Гротерих не разобрал, но смешной наконечник метнулся к брюху Менодима. Не просто метнулся — пропорол шитую золотом ткань, только под ней было железо. Консул отшатнулся и завизжал резаной свиньей. Подавился своим вытьем хор, царь обернулся, но не расхохотался, а недовольно топнул ногой. Выходит, не он?!

Оборванец опять завопил и, заноса копье для удара, рванулся наискось, обходя заслонившего консула Вирна.

— Взять! — громыхнул Ульвинг. — Без крови!

Правильно, храм все-таки... Кто их знает, стурнийских богов, хоть старых, хоть новых... Гротерих с удовольствием пихнул вопящего консула плечом и вышиб из рук парнишки его тыкалку. Второй удар древком отбросил щенка в сторону. На здоровенную, изукрашенную узорами плиту сбоку от Лунного алтаря. Проливать в Скадарионе кровь и впрямь не дело!

— На меня покушались... На меня!.. Слово царю... это загово...

А мальчишка не так уж и пьян. Вскочил, выхватил какое-то несчастье. То ли нож-переросток, то ли меч-недомерок, и глаза как у волчонка! Откуда он тут такой?

— Взять!

— Это покуше...

— ...Кхл... ы... нт!

Еще один, постарше! Опирается на копье у алтаря... Тоже пьян? Не многовато ли?

— Обоих, — невозмутимо велит сотник. И опять верно. Кто бы ни были эти ребята, их сюда не звали! Проскочить вдоль алтаря за курильницу, чтобы сзади...

— Мои Вечнозвездные! — До отвращения бархатный голос принадлежит Мирону. — Убить. Обоих.

Царь доволен, царь развлекается, но приказ есть приказ. Что ж, займемся старшим, не так... тошно.

— Я сказал, обоих.

— Повиновение царю. — Бротус... Вот же ублюдок, но так всегда. Одни мечом, другие — языком...

Вирн оборачивается, кивает — да, мелкого он берет на себя. Смотреть не хотелось, и Гротерих шагнул к тому, у кого хотя бы копье было пристойным. Северянин как раз огибал ближайший алтарь, когда сбоку раздался яростный незнакомый клич, и под ноги намеченной жертве кубарем подкатился юнец. Вирн не успевал: с ног мальчишку сбил кто-то другой!

* * *

Асон взмахом левой руки смел с дороги человеческого щенка и шагнул к святотатцам. В голове еще клубился туман, тело болело и плохо слушалось, но отлеживаться было некогда — краснобородый недомерок посмел нацепить венки из белых храмовых мальв... В таком венке умирала Интис! И не только она...

Звезда в рукояти вспыхнула родным малиновым светом, придавая хозяину если не сил, то решимости. Ярость оказалась сильнее слабости, и Асон рванулся к забравшемуся на пирамиду ублюдку. Более поганого зрелища «звездный» себе представить не мог. Кучка разряженных, с обезьяньими бородами, иклутов в гигантском безобразном храме, где извращено все — от священных символов до запахов и пропорций. Неужели его звали *сюда*, а ведь звали!

От веков к себе и вновь к веку,
Ты войдешь с мечом в ту же реку...

Пара иклутов, один толстый, другой тощий, будто горгон, шарахнулась в стороны, титан успел отвесить тощему хорошего пинка и, не оглядываясь, пошел вперед. Навстречу заступающим краснобородого святотатца... своим?! Нет, людям, не желавшим быть людьми! Или переставшим ими быть...

* * *

Такого Гротерих еще не видел... И не хотел видеть. Огромный, на голову выше самого высокого из рётов, этот сумасшедший играл тяжелым мечом, как ромашкой. Чужака успели взять в полукольцо, но четверых оказалось мало, как и восьмерых... То есть уже семерых... Все, что могли северяне, — это не пускать бесноватого к царю, едва успевая за непонятным противником.

Сизый клинок перерубил копье Арзульфа под самым наконечником, вскользь достал по ноге Фрама. Рыжий ощерился, но из боя не вышел. Кровь, своя кровь на мраморных плитах, настроила на серьезный лад. Навалившись разом, рёты оттеснили чужака от раненого и заодно от консулов. Это было дело, настоящее дело, не то что пастух и мальчишка...

Меч Ульвинга споткнулся о меч бесноватого и отпрянул. Гигант потряхнул башкой и что-то сказал. Что? Ульвинг вряд ли понял, но отшагнул, опуская свой ланг. Передышка. Изготовившись к драке, что зверь, что человек пытается оценить врага, но сейчас слишком быстро все началось... Взгляд ловит взгляд, враз пересохшие губы глотают откуда-то взявшийся ветер, и капает, капает то ли кровь, то ли вода...

— Фенгл... — начал Арзульф и замолчал. Кто-то сейчас не выдержит — на волос подвинет ногу или шевельнет рукой, закружив смертную карусель, из которой волку не выскочить, но скольких он заберет?! Подобного зверя северянам брать еще не приходилось. Таких вообще не бывает, не может быть, им место в сказках, рядом с каменными чудищами и выдыхающими пламень драконами...

— Спокойно, парни!.. Стоять!

Звенела железом спешащая от дверей подмога, издевательски мерно и равнодушно падали капли, словно боги отсчитывали оставшиеся до смерти мгновения. Проклятый звук пропитывал топот, шорохи и скрипы, словно кровь — парчу и шелка... Это становилось невыносимым, и Гротерих понял, что сейчас сорвется.

— Стоять, кому сказано!.. Стоять!!!

* * *

Два десятка *таких* иклутов — это будет тяжело... Копья у них на удивление. И

доспехи серьезные где-то нашли, и даже мечи... Откуда они здесь, такие? В первой сшибке Асон с большим трудом сохранил шкуру целой, биться в полную силу он еще не мог, хорошо хоть эти не поняли... А сейчас понимать становилось поздно: мышцы наливались привычной силой, от слабости остался лишь тягостный след, тело вновь служило как должно.

Титан не думал, как пробьется к краснобородому, хоть и не сомневался, что сделает это. Он не забудет про святотатца, нет, но странные иклуты с мечами — они все же научились делать мечи! — были куда большей загадкой. Краснобородый крал, эти — *походили*. Всем, даже светлыми длинными волосами и священными спиралями на щитах. Светловолосые были много лучше всех, с кем Асон имел дело раньше. Решительные и опытные, с оружием отличной стали, они действовали умело и согласованно, и все же «звездный», даже дерущийся вполсилы, был им не по зубам...

Второй слева иклут даже не моргнул, но Асон понял: передышке конец. Ничего, он почти готов! Движение в строю врагов, недовольный окрик старшего. И язык у этих иклутов тоже другой!.. Выходит, не зря «звездным» обещан вечный бой и в жизни, и в смерти. А смерть была, теперь Асон ее вспомнил, как и свою кровь, хлынувшую на полные солнца плиты. Он умер в полдень на пороге недостроенного храма... Умер, и прикрывать Сонэрга стало некому.

Закованные в золоченые доспехи враги плечом к плечу шагнули вперед, целя в грудь копьями. Да, это будет непросто... Но он доберется до труса на пирамиде... Белые мальвы на иклутской башке — это даже не оскорбление... Такое стирают с лица земли любой ценой.

— Время тебя за уши, опять один полез?!

Перед глазами — ряд широких, длинных лезвий, все, кроме боя, — вон из головы, но этот голос за спиной...

— Сонэрг?!

— Проклятье копытам!.. Разъезжаются...

Прыгнуть назад, чтоб обернуться, чтоб хотя бы одним глазом...

Старый друг неуклюже ворочался на том самом месте, где чуть раньше приходил в себя Асон. Бедняге было не лучше, чем самому «звездному», но кентавры упрямы... Что ж, прикроем, пока не поднимется!

— Я сейчас, «звездный»!.. Сейчас...

II

Все было будто в пакостном сне, где ничего не понимаешь и ничего не можешь! Ухваченный за плечо Клионт шумно дышал, но вырваться не пробовал. Из носа паршивца медленно вытекала кровавая капля, и так же медленно сучил ногами на желтых плитах гнедой коняга — пытался встать. Внутренности храма то скрывались в похожих на бегущие через луну облака клубов дыма, то становились нестерпимо четкими, как бывает перед грозой.

Кто-то седой и костлявый пронзительно вопил на незнакомом Тимезию языке, иногда в потоке слов проскальзывала тень смысла, но тень и есть тень, не поймашь. Вопли накатывались друг на друга волнами, словно орал не один придурок, а несколько, и с этими криками мешался стук клинков — мечеглаз дрался с теми, кого Тимезий сдуру принимал за белобрысых. Принимал, пока не объявился настоящий титан. Копейщик отчетливо видел то, чего обычно не разглядеть, — движение клинков и рук, колыхание волос...

— Ти-ти-ме-ме-зи-зи-й-й, по-по-по-че-че-че-му-му-му-му мы-мы з-з-з-з-з-з-с-с-с...

В самом деле, почему? Оторваться от прикрывавшего спину постамента, поднять копьё и шагнуть вперед — неужто это так сложно? Ведь сумел же он, когда бросился к кричащему дурачку... А почему, собственно, вперед? Пусть белобрысый дерется с недотитанами, а им с Клионтом надо выбираться из этого треклятого храма и искать своих.

— Клио...

Себя вновь не слышно, мальчишка же, вот ведь пропасть, умудрился вывернуться. Опять! А в дальнем конце зала уже открывались большие двери, и десятка три мечников плыло на помощь своим.

— Ку-ку-да-да-да-а-а?!

Догнать паршивца, догнать и вернуть...

— Куда, осёл?!

Крик вновь становится криком, а бой — боем. Мечеглаз уворачивается, парирует удары, выкраивая доли мгновения, чтобы наносить свои. Крайний из нападающих чуть медлит, этого хватает. Звякает выпавший клинок, громыкает о каменные плиты закованное в броню человеческое тело, а титан уже отшагнул, занося меч...

— И-и-и-э-э-эх!!!

Коняга! Прямо с алтаря прыгает вперед, вращая над головой копьё. Проносится мимо, встает плечом к плечу с титаном...

Несколько глухих ударов, чей-то отчетливый вопль, приближающиеся стражники... И они с Клионтом между двух огней.

* * *

— Слушай, а они ничего!

— Ничего! — согласился Асон. Теперь ему было полегче — кентавр прикрыл «звездного» слева. После первых неудачников желающих лезть под копыта не находилось.

— А доспехи их все равно тьфу! — не унимался Сонэрг. — Вырядились... Наши поганцы попроще были, да посмелей! До упора перли. Помнишь?

Асон помнил. Кентавр с ходу подметил главное: храмовые иклуты дрались лучше Идакловых и были сильней, но они берегли себя, а значит, боялись. «Звездный» положил ладонь на холку Сонэрга. Новая передышка ему не нравилась, совсем не нравилась... Нужно было что-то решать, пока иклуты не пришли в себя окончательно. Прорываться верхом? Прорваться-то они прорвутся, только что там, за пестрыми, как змеиная шкура, дверьми? И краснобородый... Другой раз до него будет не добраться.

— Сонэрг!

— Ась?.. Берегись!

Кентавр успел отпихнуть «звездного» и отпрянуть. Они позабыли про охрану краснобородого, верней, не подумали, что здешним людям на своих плевать. Небольшая, но тяжелая ваза рухнула с галереи и с грохотом врезалась в пол у ног двинувшихся было вперед копейщиков. Серым снегом закружил взявшийся ниоткуда пепел, стало трудно дышать...

— Назад!

Кентавр едва не пришиб оказавшихся за спиной иклотов — давешнего мальчишку и второго, с краденым копьём. Вторая ваза рухнула на одну из алтарных плит и разлетелась вдребезги. Асон успел вскинуть щит, закрывая не столько себя, сколько не столь расторопных соседей... Тут оно и накатило малиновой звездной вспышкой. Понимание, что, почему и зачем. И это же понимание отразилось в глазах бородатого Тимезия — его, оказывается, звали Тимезий!

* * *

Это они, которые должны быть счастливы! Это они, за счастье которых ничего не было жаль. Это они!.. Потомки... Те, за кого он убивал. Те, за кого он умер. И не те! Подросли за прошедшие века, как же они подросли... и как же... измельчали.

Капает вода, кружится пепел... Меж рыдающим в голос Клионтом и... людьми стоит титан. Тот самый, не ошибешься! Тимезий вспомнил и этот взгляд, и этот клинок! Полыхнул

недобрый каменный глаз. Зло осклабился кентавр, ударил кованым копытом, высек искры. Кентавра Тимезий тоже видел...

— Это!.. — кричит Клионт. — Тимезий, это...

Время Всемогущее, парнишка тоже вспомнил *все* ! Вспомнил и понял, что они... что все было зря... зря для людей так же, как для титанов. Что не осталось... ничего!

— Мы больше не враги, копейщик. Нет, больше не враги.

Тимезий не знал языка белобрысых, не желал знать, чем и гордился. Не разбирал он и языка новых людей, но как-то понимал и их, и мечеглаза с кентавром. Только, когда перехватывает горло, не ответишь.

— Хватит! — рычит гнедой. — Пусть я еще разок сдохну, но *этих* здесь не будет!

— Да, — повторяет раздельно титан. — Этих. Здесь. Не будет.

Клионт больше не плачет. Задирает подбородок возле белобрысого. И когда только успел?! Трое готовы, а ты? Неужели трусишь? Но это еще не конец, копейщик! Поудобней перехватить древко, встать рядом. Сколько лет ушло в песок, а они сошлись вновь, чтобы напоследок стать единым целым! Вот так. Спина к спине против оскорбивших и Время, и Небо! Против ублюдка с красной бородой, против золотых истуканов, чужих имен и чужих потомков... Не за них все было и не для них. Не для вас, предатели! Вчетвером они тут... Они тут...

— Меня зовут Асон, — говорит белобрысый. — Он — Сонэрг. Становись справа.

Тимезий кивает. Асону видней: он лучший боец. Это будет еще один последний бой, только и всего.

III

Так, и что же это?! Здоровенный, стоящий с десяток Скадарий храм, а на полу — покойники, кровь, осколки... Рослые вояки, судя по раззолоченным нагрудникам — охрана разряженных недоносков, сомкнув щиты и выставив копья, отжимают к широкому постаменту конягу, светловолосого верзилу и двоих в чем-то вроде кожаных скератских доспехов. Валяется оружие, вопят и мечутся сами недоноски. Сквозняки кружат пепел, но паленым не пахнет...

Как его занесло на боковую галерею непонятного храма, Приск не думал — коменданта полностью поглотила разворачивающаяся внизу схватка. Не оценить чужой выучки и умения биться в строю ветеран не мог, но и коняга с гигантом выглядели отменно: меч и тяжелое копье двигались так согласованно — иззавидуешься!

Коняга с удивительным искусством заплел и отбросил в сторону сразу три нацеленных на него копья, а в образовавшуюся брешь грохнул передними копытами. Успевшего подставить щит счастливчика снесло под ноги напиравших сзади, а вот получивший удар в грудь...

— Не жилец, — пробормотал так и не разобравший что к чему Приск, глядя, как «золоченые» смыкают строй над упавшим, прикрывая товарища щитами. Слаженную ответную атаку сразу с двух сторон кентавр отбил, но бок ему, похоже, зацепили. Гигант закрутил своим мечом что-то невообразимое, снес копейный наконечник, разрубил роскошный — кому она нужна, эта роскошь — наплечник.

Да, бойцы внизу собрались отличные, но сама драка коменданту нравилась все меньше. Расфуфыренные столичные цацы одурели и только квохтали, а безобразие следовало прекратить. Приск так и скомандовал:

— Пр-р-прекратить!

Окрик вышел так себе, не сравнить с обычным. Внизу не услышали.

— Вы у меня остановитесь, — пробурчал ветеран, выискивая что-нибудь похожее на гонг. — Умники...

— Приказ коменданта! — со смешком откликнулся знакомый голос. Как же, найдешь тут своих! У балюстрады торчал лысый сенатор лет на десять постарше самого Приска. В церемониальных одеждах и при всех регалиях, хоть сейчас к императору. Изломанные брови, родинка на виске... Знакомое лицо, даже слишком. Папаша Тита, надо полагать!

— Какое зрелище! — Спентад-старший нависал над перилами. — Судя по декорациям, не обошлось без Фертаров, только при чем здесь эти оборванцы?

— Я было решил, «лохмачи», — признался Приск, — но морды не скератские.

— Больше похожи на стурнийцев...

— Они-то похожи... А задницы в раззолоченных мешках откуда?..

— Поняття не имею. — Сенатор до невозможности знакомо пожал плечами. — Скорее всего они нам снятся, вернее, мне... Но я рад такому сну. Что до задниц, это, видимо, предупреждение, ниспосланное свыше. Если Агриппа не соизволит наконец...

Спентад прервал сам себя. Одна из «задниц», бесновавшаяся на ступенчатом возвышении, ткнула дурацким жезлом вверх, и копейщики попятнулись, давая четверке у постамента больше простора. Заскрежетало. Орудовавшие на нижней галерее золоченые переваливали через балюстраду большие каменные вазы. Приск видел, как те наклоняются и валятся вниз, как следом тянется светящийся звездный хвост. Грохнуло, но как-то странно, будто дальний гром зарычал. Веером взлетели осколки. То ли «золоченые» не рассчитали, то ли постамент, у которого шла драка, тянул к себе камни, как чинуши — казенные деньги, но странную четверку даже не зацепило, только чудной, налетевший сразу со всех сторон ветер подхватил обернувшийся желтой отрамской пылью пепел. Мальчишка внизу вздрогнул и запрокинул голову. Приск поймал полный ярости и надежды взгляд...

— Небец ушастый!

— Время Всемогущее!..

Тит!.. Дослужился-таки... Дослужился и умер своей смертью... А теперь встал как миленький! Потому что нужно...

— Комендант... — Тит провел рукой по лицу. — Это же наши...

Галерею наполняли такие знакомые звуки: приглушенный шорох, стук дерева и лязг железа — когорта строится в боевой порядок. Не вся когорта, не больше половины. Знакомые лица, боевые доспехи, только раны исчезли вместе со смертью. Вот мы и встретились, ребята... Вот и встретились там, где нет Времени... Или есть?

— Эгей! — сжимает кулаки Медант. — Чего ждем?..

А нечего ждать! Гарнизон Скадарии готов выполнить приказ, и комендант знает, что приказывать. Внизу шум и крики, внизу — бой, надо спешить.

— Мы идем, ребята! Мы уже идем! — Приск больше не оборачивался, он и так знал: и Сервий, и Руфин, и этот неумный коняга — они здесь, в строю, и им тоже все ясно...

* * *

Гротерих отчаянно старался оживить онемевшую руку. Рёту случалось принимать на щит всякие удары — и секир, и палиц, и боевых молотов, но это копыто было пострашнее всего. Затылок, которым «Вечнозвездный» приложился о каменный пол, тоже болел, но меньше — крепостью черепа северянин гордился заслуженно.

Сбитого с ног и оглушенного, его отволокли в сторону. Откуда-то взялся Гай, но чем он мог помочь? Когда сверху снова полетели вазы, Гротерих сидел, привалившись к стене, разминал руку и пытался понять, что же такое в проклятом храме творится. Невозможно быстрый и ловкий великан — прямо тебе отродье Фенгла, а уж коняга... И ведь видел же рисунки, да не верил, думал — выдумки. Только раньше не ввали, не то что сейчас...

— Управляется с копьем лучше старого Френга, — нехотя признал северянин, хотя Гаю что Френг, что не Френг...

— Ты видел, откуда они взялись?

— Вылезли прямо из ничего... Ну то есть совсем из ничего. — По крайней мере, в этом, как его, «кентауре» рёт не сомневался. Он прикидывал, как обойти великана, вот и смотрел в нужную сторону. — Там, понимаешь ли, зарябило, ну, как... Одним словом, вроде...

— Сволочи! — Вскочивший Гай не слушал. — Разбили... И эти тоже... Не вышло у нас ничего...

— Да ладно, не в могиле слава!.. Фенгл все знает, и это тоже...

Рёт поднялся на ноги; голова уже совсем не кружилась, а стоя было видно не в пример лучше. Парни снова смыкали строй, к ним присоединилась большая часть тех, кто стоял у входа в храм. Значит, сумасшедшие у алтарей держатся.

— Останови их! — вдруг заорал Гай. — Останови своих! Вы... мы не должны их трогать!.. Никого!

— Наше дело наемное, — не слишком уверенно откликнулся Гротерих. — Приказано.

— Кем?! Сволочью этой краснобородой? Сенатом? Да кто они такие, чтобы... Время Всемогущее!..

Из-за окольчуженных спин вновь прогремел тот самый чужой клич. С верхней галереи полужнакомым сигналом откликнулась боевая труба, и тут же над балюстрадой поднялась и закачалась огромная вызолоченная статуя из тех, что обожал Мирон. Под дружный вопль жрецов и сенаторов истукан рухнул вниз, заставив рётов попятиться.

— Гротерих! — Гай в восторге сжал плечо ошалевшего северянина. Хорошо хоть здоровое. — Даже если здесь все разнесут, я это... нарисую!

— Нарисуешь, нарисуешь... Этих уродов и вчетвером не поднять, разве кто-то вроде... Слушай, кто же там, наверху?! И сколько их?!

Ульвингу тоже это хотелось знать, и он с пятеркой мечников уже мчался к лестнице. Не

успел. Сверху пятились поднявшиеся раньше. Пятились, выставив копыта навстречу какой-то угрозе.

* * *

Прояви раззолоченные задницы твердость и вели страже сразу же атаковать, та бы подчинилась, так ведь нет... Насвятотатствовали, голубчики, дождались божьей кары и обделались, а охрана затевать новую драку не рвется — смотрит себе на начальство и ждет. Задницы видят, что стража — в сомнениях, и трясутся еще сильнее. Так все и стоят — легионеры у лестницы, а напротив эти... храмовые.

— Что делаем, сенатор?

— Знакомимся, комендант!

— С этими? Золоченными?

— Нет, с четверкой у алтаря.

Приск поискал глазами Сервия. Тот был там, где должно. Как и прежде.

— Знаешь, что делать? — Помощник кивнул, комендант привычно расправил плащ и лишь сейчас понял, что плащ — парадный. Значит, *тогда* его переодели? Это ж надо умудриться — умереть и не заметить...

— Идем, комендант?

— Идем, сенатор!

Вперед, меж двух застывших шеренг — высокой, раззолоченной, и стальной, пониже. Чеканя шаг, словно во время триумфа. Странно они, должно быть, выглядят... Шальной неотвязный коняга, ветеран в начищенном доспехе и сенатор с имперским Роем на груди. Сенатор... Едва не зарывавшийся в стену отбившейся Скадарии мальчишка. Твой, без тебя постаревший, не тобою зачатый сын, и плевать, кем он послан — Временем, судьбой, этим их Небом...

— Убить! Убить их! — не выдерживает ублюдок на верхотуре. — Его... этого лысого, с пчелами... Тысяча... три тысячи золотом и виноградники!

— Отправляйся в свой балаган, — бросает на ходу бывший младший трибун. — Фигляр...

Легионеры готовы к бою, но стража не нападает. Старший, седоусый здоровяк, смотрит то на ублюдка в венке, то на чужаков, думает... А ты бы на его месте не думал?! К ветерану, придерживая руку, подбегает воин помоложе, что-то быстро говорит. Тит не смотрит, идет дальше. К тем, с кого все началось. Молча идет. Пустая болтовня — это для в который раз опаскудившегося Сената. Вечность, богов, империю или носят с собой, или нет.

Это Время тебя назвало... Это Время... Время... Время...

Стучат, точат камень капли. Стучит в висках кровь... Стучат копыта. Кружит пыль пахнущий степью ветер. *Это Время...*

Кто метнул нож, Приск не заметил, а Медант не успел... Только подхватил на руки падающее тело. Белая тога, красная кровь, золотой имперский Рой...

— Как же... не к месту.

Это Время... Время... Время...

Медант, держащий Тита на вытянутых руках. Опустившие копыта шеренги. Чужой темноволосый парень с явно не своим мечом. Издевательский блеск алмазов на рукояти ножа. Подлого, придворного — вояки с такими не ходят.

— *Приграничным гарнизонам... стоять до последнего... а помощь будет... Прокуратор обещал... твердо.*

Он слышит это? Слышит *оттуда* ! Или это бредит Тит? Но при таких ранах не бредят!

— Повиновенье... — выговаривают губы Приска. — Повиновение сенатору!

— Нет, — успевает поправить Тит Спентад. — Гарнизон... Приказ коменданта...

Тогда тоже был нож или все же стрела? Не запомнить своей смерти и увидеть ее снова.

Не в степи, здесь... Не свою, больше, чем свою.

— Я — Гай, сын Публия Фульгра. — Давешний чужак. Чего-то хочет... — Я с вами... Я владею мечом!

— Давай в строй.

Неполная когорта против гарнизона, армии, целой империи, или что там осталось от Стурна, — это меньше чем ничто. Но не когда она там, где должно. Неполная когорта... Только одна. И еще этот Гай, и четверка, продержавшаяся до прихода негданной подмоги. Негданной, но так бывает. У каждого — своя Скадария, не отдавать же ее... всяким задницам!

— Да поможет нам... — А кто? Время Всемогущее, допустившее такое, или этот самый Небец... то есть Небо... — Эгей, трубач, «Во славу Стурна»!

Боги смотрят. Боги плачут. И еще иногда они гордятся.